

О, Господи, как краток путь земной

Война – самое страшное, что может произойти в мире. Голод, разруха и зловонная близость смерти... Кто стал свидетелем этих чёрных дней, не забудет их никогда. Особенно яркими можно назвать впечатления детей войны.

К сожалению, моя бабушка знает об этом не по рассказам близких и не из книг. Когда фашисты вторглись в Ростов-на-Дону в 1942 году, ей было всего 7 лет...

- Рывок, и я лечу, переворачиваясь в воздухе. Мама успевает смягчить моё падение. Лицо в пыли, кровь, заливающая когда-то чистое платье. И лающих гогот высоченных злых солдат. «Мама, зачем они так?» - та лишь качает головой.

И вот мы на улице. Люди, люди, люди. Текут струйкой, серой и горькой. Куда мы? Хочется кричать, но матушка зажимает мне рот и делает большие глаза. Я понимаю. Нельзя. Стараясь отогнать страх, верчу головой. Да, я знаю куда. В школу. Как хорошо! Я люблю учиться.

Около белого здания вижу офицера в красивой, но незнакомой мне форме. От него двумя струйками растекаются люди – направо и налево. Вопрос – направо, ещё – налево. А вот и наша очередь. Передо мной вдруг появилась тётя Мила – наша соседка. Погладив меня по голове, отчётливо произнесла: «Юди» - и услужливо улыбнулась немцу. Тот брезгливо поморщился и махнул рукой.

Мы стоим в небольшом загончике, одетом в колючую проволоку – левые и правые. Вон моя соседка Нюсенька и Додик с пятого двора. Кто-то кричит и зовёт маму, другие плачут. Внезапно крики и стоны затихают. Там, на другой стороне, что-то происходит. Я тоже оборачиваюсь. Смотрите, им дают конфеты. Вот повезло! Но почему-то Нюся падает, её руки дрожат и ...больше она не шевелится, большие голубые глаза пристально смотрят в небо. А Додик? Он, будто сломленная игрушка, сделал несколько шагов. Как тяжело ему дышать! Замер, полуобняв землю. Тишина, звонкая и пугающая висела над живыми. Как страшно!!! Я закрыла лицо ладошками. Когда осмелилась открыть, испугалась ещё больше. Мёртвых укладывали стопками, как залежалый, но ещё не проданный товар... Вскоре левый загон опустел. Тогда открыли проход из нашей темницы. Мы так боялись выходить, видя глаза смерти и её приторную сладость.

Бабушка вздохнула. В её всё ещё ярких глазах я увидела боль и горечь ребёнка, который видел ужасы войны и понимал, что возраст не помеха в деле спасения Отечества, потому что ЗЛО не сказочное, а реальное здесь, рядом, и пожирает оно, в первую очередь, чистых и невинных – детей.

- Знаешь, Машенька, в тот момент мне казалось, что не будет минуты страшнее. Увы, я ошиблась...- она ненадолго замолчала, поглаживая мою руку.

- Ты знаешь, дорогая, никогда так не ценишь ты мгновенья жизни, как в считанные часы перед смертью. Помню выбеленную неровную стену, последний шаг в небытие. Впрочем, по порядку.

Немцы всё ещё стояли в оккупированном Ростове. Хозяева жизни и мира ввели свой немецкий порядок. Контроль, жесточайший контроль и отсеивание, истребление неугодных. Они считали уместными любые действия: комендантский час, расстрелы слишком шумных или слишком нервно выглядящих людей, пытки голодом: у жителей отбирали еду.

Но людей не сломил железный порядок. Небольшой отряд – раненые солдаты, подпольщики, покинувшие город – организовали партизанское движение. Чем, спросите вы, мы им могли помочь? Как-то мы со старшей сестрой набрали на полуразрушенный склад, где, как потом удостоверились, и можно было достать (украсть) еду для партизан.

Нам казалась, что мы так хитры и расчётливы...Раннее утро, вечно сонный часовой и план, чудесный план! На двенадцатом шаге в окно разбитое пролезть, взять, что надо, и на двадцатом – обратно. Однажды всё пошло не так: как обычно, набрали необходимое и, привычно посчитав, выскочили из подвала; но то ли шум, то ли скука привлекли внимание караульного – на 25 шаге он остановился и направился к воровкам.

Решение было принято моментально - расстрелять! – ни крики, ни мольбы о помиловании не сломили жестокого упрямства военного. И вот мы стоим у стенки, ожидая выстрела... «Бух, бух, бух», - звенело сердце. Я крепко сжимала руку сестры. «Кап, кап, - уходила жизнь. В последнее мгновение шум мотора мотоцикла и известия о срочной эвакуации – русские у стен города! – солдаты покинули место экзекуции, на прощанье выстрелив. Мы остались живы, лицо смерти, сдобренное пылью войны, увидели ещё явственней.

Бабушка не любит рассказывать о войне, так больно, видно, ей. Теперь я понимаю её и часто хожу на то кладбище, где в безымянной могиле лежит Нюсенька и Додик и тысячи безвинно убиенных, превращённых в пыль и прах. По щекам бабушки текут слёзы, хоть она и старается не плакать. У меня в руках зажат букетик полевых цветов. Мы оставляем на плите конфеты и ломоть хлеба как прощальный привет от выживших, переживших эту войну. И губы наши в унисон шепчут одну молитву: «Простите нас, защитите от войны!»